

максимально широком ракурсе общемирового социокультурного развития.

Список литературы

1. Ерохин С.В. Искусство и наука в эпоху «дабл-пост» // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2013. — Т. 1. — № 1 (54).
2. Кун Т. Структура научных революций. — М.: АСТ; Ермак, 2003.
3. Dacos M. Manifesto for the Digital Humanities. 2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tcp.hypotheses.org/411>.
4. Gere C. Digital Culture. 2nd ed. — London: Reaktion books, 2008.
5. Deuze M. Participation, Remediation, Bricolage: Considering Principal Components of a Digital Culture // The Information Society. — 2006. — Vol. 22.
6. Соколов Н.Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? // Международный журнал исследований культуры. — 2012. — № 3 (8).
7. Моль А. Социодинамика культуры. — М.: КомКнига, 2005.
8. Zolli A. Pixel culture // American Demographics. — 2004. — June.
9. Бычков В.В. Эстетика. — М.: Гардарики, 2004.
10. Николаева Е.В. Ризомы и складка как предвосхищение фрактальной картины мира // Диалоги и встречи: постмодернизм в русской и американской культуре. Сб. науч. ст. — Вологда: ВГПУ, 2013.
11. Mandelbrot B.B. The Fractal Geometry of Nature. — New York: W.H. Freeman and Company, 1982.
12. Федер Е. Фракталы. — М.: Мир, 1991.
13. Николаева Е.В. К типологии фракталов в теории культуры // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2013. — № 1 (113).
14. Мартынович К.А. Нелинейно-динамическая картина мира: онтологические смыслы и методологические возможности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Саратов, 2011.
15. Введение в экранную культуру: новые аудиовизуальные технологии / отв. ред. К.Э. Разлогов. — М.: Эдиториал УРСС, 2005.
16. Деменок С.Л. Фрактал: между мифом и ремеслом. — СПб.: Ринвол; Академия исследования культуры, 2011.
17. Сальникова Е.В. Феномен визуального. От древних истоков к началу XXI века. — М.: Прогресс-Традиция, 2012.
18. Николаева Е.В. Нецифровая фрактальная живопись: историко-культурологический экскурс // Вестник Самарского государственного университета. — 2013. — № 81 (109).
19. Николаева Е.В. Фрактальные модели городского пространства // Обсерватория культуры. — 2013. — № 1.
20. Beyaert A. L'esthétique du pixel. L'accentuation de la texture dans l'œuvre graphique de John Maeda // Communication et langages. — 2003. — Vol. 138.
21. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
22. Пайтген Х.-О., Рихтер П.Х. Красота фракталов. Образы комплексных динамических систем. — М.: Мир, 1993.
23. Хакен Г. Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке? // Синергетика и психология. Тексты. Вып. 2. Социальные процессы. — М.: Янус-К, 1999.
24. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики: синергетическое мировидение. — М.: Либроком, 2010.
25. Николаева Е.В. Неотрадиционализм в культуре повседневности: российская версия конца XX века. Дис. ... канд. культурологии. — М., 2004.
26. Жуков Д.С., Лямин С.К. Метафоры фракталов в общественно-политическом знании. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007.
27. Николаева Е.В. Фрактальная динамика моды // Общество. Среда. Развитие. — 2013. — № 4(29).

УДК 159.923.2+808.1
ББК 88.5

Н.К. РАДИНА

«МУЖСКАЯ ЖИЗНЬ» КАК КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ (НА ПРИМЕРЕ «НАИВНЫХ» И ЛИТЕРАТУРНЫХ АВТОБИОГРАФИЙ)

В исследовании¹, проведенном на основе использования методов корпусной лингвистики и семиотического анализа, сравниваются литературные и «наивные» автобиографии мужчин. Делается вывод о том, что автобиографии писателей, как и обычных мужчин, конструируются в границах норм «мужской культуры» независимо от способностей и писательского опыта их авторов. В том случае, если мужчина воспитывался в детском доме, его автобиография искаженно воспроизводит код «мужской культуры». Данный факт в исследовании объясняется изменением содержания «гендерной культуры» в закрытых социальных группах и нарушением института посредничества в воспроизводстве гендерной культуры в депривационных условиях.

Ключевые слова: автобиография, семиотический анализ, мужская культура.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд» НИУ ВШЭ в 2013—2014 гг., проект №12-01-0203 «Герменевтика автобиографического текста: гендерные аспекты».

Автобиография — широко известный литературный жанр (собственное жизнеописание, произведенное автором текста), зародившийся в поздней античности как результат усиления интереса к отдельной человеческой личности [1]. Исследователи автобиографических текстов разделяют их на два основных вида: автобиографии, ориентированные на описание собственных приключений (Б. Челлини), и автобиографии философствования (М. Монтень). Благодаря известной автобиографии И.В. Гёте в научных дискуссиях проблематизировано соотношение вымысла и реальности в автобиографических произведениях [2].

Поначалу автобиографии были ориентированы на представление исключительно незаурядных жизней, но уже в XIX веке появляются примеры написания автобиографий обычных людей. В XX веке автобиография — не только литературный жанр, но и элемент определенного социального статуса (ряд профессий требует от соискателей написания автобиографии при приеме на работу). Кроме того, во второй половине XX века с развитием социологии, психологии и социальной антропологии автобиографии создаются благодаря использованию исследователями биографического метода [3]. Автобиографии изучаются не только литературоведами и историками, но и социологами, психологами как материал, позволяющий более глубоко понять особенности социального развития личности [4].

Роль культуры в создании автобиографии

Одна из наиболее значимых теоретических идей представляемого исследования — идея непрерывного воспроизводства культуры. Человеческая культура стремится к воспроизводству себя на групповом уровне (сохранение традиций) и на индивидуальном — будучи воспроизведенной в идентичностях культурно укорененных людей. Индивид, социализируясь, конструируя собственную идентичность, пытается подстроиться не под абстрактные культурные образцы, а под конкретные нормы человеческого сообщества.

В полифонии «культурного клавира» особое место занимает гендерная культура общества, очерчивающая границы «приемлемого» для представителей мужской и женской групп. В рамках гендерной культуры женскую культуру описывают посредством центрированности на человеке (воспроизводство детей, забота о нуждающихся), на локализации в приватном, семейном, а также как ориентированную на эмоциональную сферу и вторичную в социальных иерархиях по отношению к мужским позициям [5].

Мужскую культуру представляют как сосредоточенную на власти и доминировании [6]. Наиболее очевидное пространство для ее реализации — сфера публичного, способ функционирования — инструментальный [7].

Автобиография, рождаясь на излете Античности, как бы провозглашала выделение индивидуального и субъектного из общего культурного. В настоящее время, когда автобиографию имеет каждый, проговаривающий историю своей жизни, научный интерес представляет про-

тивоположный феномен — «культурная детерминация» индивидуальной жизни и «типичность» автобиографий, типичность, порождаемая культурными императивами.

Теоретические концепции, используемые в исследовании

Психоаналитическая герменевтика А. Адлера — одна из наиболее известных интерпретативных схем понимания и изучения ранних детских воспоминаний [8]. Согласно А. Адлеру, жизненные стили личности как результат переживания событий детства возможно идентифицировать (и изменить в процессе психотерапии) благодаря анализу ранних детских воспоминаний.

Адлер предлагает правила «чтения знаков» в воспоминаниях, которые включают:

- социальную сеть (присутствующих в воспоминании людей: мать, отца, братьев, сестер, бабушек, дедушек, а также посторонних);
- типы событий (опасность, болезни, проступки, новые жизненные ситуации), способы восприятия ситуации. Как результат адлеровского анализа формулируется «девиз жизни», который маркирует жизненный стиль автора биографии.

Гендерная культура как матрица гендерной идентичности. Изучение роли культуры в становлении и развитии личности, как правило, реализуется на материале гендерной или этнической культуры. Любая культура нуждается в воспроизводстве на уровне социального взаимодействия, а также на уровне идентичности (формирование типичных для культуры представителей). Гендерная культура, таким образом, поддерживает типичное, культурно-нормативное в идентичностях мужчин и женщин, «типичные» гендерные идентичности и истории жизни [9].

«Семиотический квадрат» А.-Ж. Греймаса. Классический структуралистский семиотический анализ нарратива предполагает интерпретацию текста и выделение тематических блоков с описанием развития тем. В тематических блоках отражаются пространственные и временные изотопы, а также ряд октант (ролей):

- дестинатор/рассказчик;
- получатель/определяет ценности;
- субъект/главное лицо в истории;
- объект/цель субъекта;
- помощник и предатель [10].

Далее изучаются изменения (движения) октантов и изотопов и формулируется нарративная программа текста. На последнем этапе создается «семиотический квадрат», благодаря которому раскрываются глубинные ценности и нарративная структура текста. Семиотический квадрат определяется тремя типами отношений: отношениями противоположности (S1 и S2), отношениями комплементарности (S1 и —S2), отношениями противоречия (S1 и —S1). Поскольку семиотический квадрат используется для текста в целом, важной задачей становится определение (извлечение) семантических оппозиций. Точность в определении семантических оппозиций

оказывается залогом верного описания семиотической структуры текста.

Семантические оппозиции квадрата в анализируемых автобиографических текстах определялись преимущественно с опорой на изотопы, поскольку то, что в тексте следовало рассматривать как «октанты», анализировалось в рамках другой интерпретативной схемы (по А. Адлеру). Представленные теоретические схемы были использованы для интерпретации данных, полученных при количественном анализе лексем в автобиографических текстах.

Концепция психической депривации, которая связана с теорией Дж. Боулби о привязанности, в российских социальных науках получила известность благодаря работам Й. Лангмейера и З. Матейчека, изучающих взросление детей в детских домах и сиротских интернатах. Зарубежными и российскими психологами в целом описаны последствия развития ребенка в условиях депривации (см., например, работы М.И. Лисиной, И.В. Дубровиной, Е.Е. Дмитриевой, И.А. Залысиной, Т.М. Землянухиной, С.Ю. Мещеряковой, А.М. Прихожан, Т.А. Рузской, Е.О. Смирновой, Н.Н. Толстых и др.).

Концептуальный ряд исследования восходит к XX веку (и даже к рубежу XIX—XX веков: например, адлеровский психоанализ). Тем не менее, перефразируя известное выражение Адлера («нет ничего практичнее хорошей теории»), отметим, что «хорошая теория», описывающая социальное и культурное, не имеет строгих временных границ, производных от даты рождения. Границы культурных и социальных концепций — объяснительных схем реальности — не только маркируют способы познания реальности, но действительно «расшифровывают» реальность и релевантны, пока социальные и культурные нормы воспроизводства человеческого общества не будут принципиально, радикально изменены.

Методы и материалы исследования²

В качестве эмпирического материала в исследовании были использованы тексты автобиографий мужчин из провинциальной России (36 интервью; корпус «наивных» мужских автобиографий — 28 335 словоупотреблений). Данные автобиографии в исследовании названы «наивными», поскольку создавались впервые «неопытными рассказчиками» по просьбе исследователя.

Количественный анализ текстов автобиографического интервью осуществлялся на основе методов корпусной лингвистики. При этом использовалась программа Mystem, производящая морфологический анализ текста, и программа для подсчета частотности на базе результатов Mystem (авторы — О.Н. Кукушкина, Т.С. Елипашева).

Другая группа материалов представлена двадцатью литературными автобиографиями писателей И.Е. Алешковского, М.М. Зощенко, В.Т. Шаламова, В.П. Астафье-

ва, М.Л. Лезинского, Ю.Н. Тынянова, К.Г. Паустовского, Д.А. Гранина, Л.А. Андреева, М.А. Булгакова, В.Я. Брюсова, И.Ф. Анненского, И.А. Бунина, С.Я. Маршака, С.А. Есенина, Ф.К. Сологуба, М.А. Волошина, К.И. Чуковского, В.В. Ерофеева, А.М. Черного (корпус литературных мужских автобиографий — 27 241 словоупотреблений). Частотный анализ лексем данной группы выполнен с помощью приложения Antconc версии 3.2.4, а также лемматизатора АОТ.

Третья группа материалов представлена автобиографиями выпускников сиротских учреждений в возрасте от 20 до 55 лет (11 мужских автобиографий). Размер корпуса мужских автобиографий — 21 986 словоупотреблений.

Частотность лексем в описанных корпусах текстов легла в основу двух линий анализа:

- анализ социальных сетей автобиографии в контексте психоаналитической герменевтики А. Адлера и концепции депривации;
- реконструкция и анализ «культурной матрицы» автобиографии в русле идей «семиотического квадрата» А.-Ж. Греймаса.

Анализ «наивных» автобиографий

«Обычные мужчины», впервые представляющие свои автобиографии внешним заинтересованным слушателям, — «герои повседневности». Это жители провинциальных малых городов с умеренными заработками, более половины из них имеют опыт семейной жизни.

Автобиографии «обычных мужчин», как правило, лаконичны в деталях и эпитетах. Центральная часть социальной сети обычных мужчин ограничена ключевыми ролями: «мамой» (3,0), «другом» (2,5), «отцом» (2,0). На периферии — «ребенок» (1,8), «родители» (1,6), «жена» (1,5), «бабушка» (1,0), «брат» (1,0)³.

Особенности социальной сети, восстановленной по материалам мужских интервью, таковы, что мужчина оказывается ориентированным на собственную семью, как правило, ближе к пенсионному возрасту: именно в автобиографиях более старших рассказчиков начинают доминировать упоминания «жены» и «ребенка».

После армии вернулся, так сразу и женился. С женой мы еще до армии дружили. Вместе гуляли, в походы ходили. Живем мы хорошо, двое детишек у нас с ней. Сейчас-то она у меня лежит парализованная. А раньше первой красавицей была. Мои друзья все в нее влюблены были, а она выбрала меня. Я когда в армию уходил, все цветы в садах сорвал, всю комнату цветами завалил. Как только из армии вернулся — сразу к ней свататься. С тех пор вместе (68 лет, образование — среднее).

Еще одна значимая деталь — вероятная материнская депривация авторов⁴. Невысокая доля упоминаний «ма-

³ В скобках указываются средние значения по частотности.

⁴ Материнская депривация (в психоанализе) — эмоциональная депривированность (в современной интерпретации), недостаточность эмоциональных контактов в детском возрасте, характеризуется нарушениями в области привязанности.

² Автор статьи благодарит компьютерных лингвистов А.Н. Одинцову, Г.А. Самсонову, Е.А. Маркус и А.А. Сазанова за обработку данных.

тери» при общей обедненной социальной сети (низкая доля упоминаний значимых людей), наличие достаточно высоких показателей на общем фоне у «друга», «отца» и «бабушки» — все эти характеристики жизненной истории позволяют с большой долей вероятности предположить депривационную эмоциональную среду развития у интервьюируемых мужчин [11]. С другой стороны, в автобиографии роль «матери» уравнивается ролью «отца».

В детстве — одно из ярких воспоминаний. <...> Мы с моим знакомым пошли к реке. Взяли без спроса моторную лодку, завели и поплыли. Уплыли очень далеко, хотели возвращаться обратно, а тут, как назло, мотор у лодки сломался. Кругом вода, никого. Меня охватил страх, что никто не знает, где мы, и нас никогда не найдут <...> Просидели в лодке до самого вечера, уже начинало темнеть. Вдруг услышали звук мотора приближающейся лодки, потом я разглядел в лодке отца <...> Я не знаю, как и где отец нашел еще лодку, но в то время я думал, что он — герой (42 года, образование — среднее специальное).

Определение частотности лексем в автобиографическом тексте позволило выявить значимые сферы жизни мужчин, посредством которых они представляют свою историю жизни:

- рефлексия о судьбе и времени [«год» (8,2), «жизнь» (3,3), «хороший/хорошо» (3,5), «один» (2,6), «человек» (2,1), «время» (2,4), «этап» (1,6), «момент» (1,3), «сейчас» (1,3)];
- образование и социальные институты [«школа» (3,4), «учиться» (2,3), «армия» (2), «институт» (1)];
- работа [«работа» (2,6), «работать» (2,2), «заниматься» (1)];
- создание и обустройство семьи [«дом» (1,6), «семья» (1,4), «квартира» (1,3), «рождаться» (1,3), «любить» (1,1)].

«Мужская жизнь» в созданном подкорпусе автобиографий — напряженное пространство переживания своего существования во времени и социальных институтах; наиболее ярко представлены «школа» и «армия».

Ломали нас в армии капитально. Домой вернулся с другими взглядами. Мир после армии не казался белым и пушистым. Мои радужные очки потерялись где-то там» (39 лет, образование — среднее специальное).

Представляя свою активность в рассказе о жизни, мужчины воспроизводят как наиболее частотные глаголы «помнить» (2,8) и «жить» (2,4), а также глаголы движения [«пойти» (1,7), «ходить» (1,5)] и социальной активности [«учиться» (2,3), «работать» (2,2)]. «Напряжение» в мужской истории можно связать и с неуверенностью, метаниями, с осторожностью, с которой мужчины концептуализируют в рассказе свою жизнь, даже сферу желаний описывая безлично («хотеться»).

Ну, я закончил службу в армии и понял, что надо дальше зарабатывать деньги и получать высшее образование. Окончил курсы на помощника бурильщика. Курсы-то окончил, но никуда не взяли, потому что стажа нет. Пошел работать на стройку, в частную бригаду. У

меня друг, с которым в армии служил, у его отца — своя бригада была. Стройкой я занимался года два, потом устроился в ГАЗПРОМ, поработал там слесарем, перучился на сварщика, потому что там больше платили. Вообще, я дурак, надо было мне сразу идти в лабораторию инженером, уже сейчас бы в галстук ходил <...> Ну, выучился я на сварщика, поехал по командировкам, и учился заочно в институте на инженера, вот и выучился (32 года, образование — высшее).

В традиционные каноны «мужской культуры» вписывается представление интервьюируемыми о самих себя посредством местоимений: «Я» (34) в мужских автобиографиях звучит почти в полтора раза чаще, чем у женщин. Система оппозиций «семиотического квадрата» А.-Ж. Греймаса (обобщения и слова с наибольшей частотностью) представлена следующим образом (рис. 1).

S1 Время Работа Жизнь Индивидуальное	S2 Безвремяе Безделье Смерть Общее
~S2 Инициатива Востребованность Активность Отдельное	~S1 Выжидание Безработность Апатия, бездействие Совместное

Рис. 1. Семиотический квадрат: автобиографии «обычных» мужчин

Согласно «семиотическому квадрату» А.-Ж. Греймаса, в любой истории мужской жизни будут воспроизведены (см. отношения комплементарности в квадрате S1 / ~S2 на рис. 1) темы инициативы, востребованности, активности и индивидуализма. Изучаемые автобиографии органично вписаны в классические стандарты «мужской культуры» и воспроизводят активность в публичной сфере (вне семьи), инициативность и сосредоточенность на собственном «Я».

А вот дальше я поступил в институт. Я не придал значения поступлению. Пришел — поступил. Не затрачивал на это никаких нервов вообще. Мне было абсолютно параллельно. Ну, я говорю, я тогда был еще подростком. У меня не было авторитета, который бы мне объяснил, что это важно. Потому что те люди, которые были, я им не доверял. Я во всей жизни и сейчас подчеркиваю этот факт, что мне нужно все объяснять. Нельзя говорить «нет» — и все (29 лет, образование — высшее).

Недостаточная частотность не позволяет некоторым значимым для мужской культуры темам «пробиться» и стать «видимыми» в анализе. Так, тема правонарушений и преступлений — обратная сторона требований к инициативности и активности мужчин со стороны «мужской культуры» — не нашла отражения в количественных показателях частотности, однако ярко описывается в текстах некоторых автобиографий.

Были разные интересы: на рыбалку сходить, — у меня до сих пор такое увлечение — с друзьями похулиганить. Можно сказать, что я практически жил на улице. Домой приходил только спать. Да, я ел, где придется: то пацаны огурцов с хлебом вынесут, то соседка пирогов. Если домой явишься — мать гулять не отпустит, ругать начнет за плохие отметки или за то, что соседние сараи обокрали (30 лет, образование — среднее).

Таким образом, семиотический анализ на основании частотности дает возможность, не вдаваясь в детали, увидеть картину «в целом», «схватить» наиболее общее. При этом теряются яркие подробности и содержательные нюансы. Автобиографии мужчин, их самопрезентация в истории, позволяет сделать выводы о сохранности общего направления в воспроизводстве «мужской культуры» на уровне построения идентичности конкретного, отдельного человека. Косвенные признаки (отсутствие явной ориентации на доминирование, сдержанность, отраженная в ограниченной частотности глаголов, описывающих движение и волеизъявление и т. п.) дают основания предположить наличие «негегемонной версии» мужественности у авторов мужских автобиографий [12].

Анализ литературных автобиографий

Писательские автобиографии на первый взгляд настолько интересны, сложны и уникальны, что искать в них общее через повторения и частотность — предельное упрощение и принижение самого жанра. От автобиографии писателя читатель заранее ожидает неожиданностей, незаурядности и даже вычурности, что невозможно отразить при обычном количественном анализе.

Ерофеев Венедикт Васильевич. Родился 24 октября 1938 года на Кольском полуострове, за Полярным кругом. Впервые в жизни пересек Полярный круг (с севера на юг, разумеется), когда по окончании школы с отличием, на 17-м году жизни, поехал в столицу ради поступления в Московский университет (из автобиографии В.В.Ерофеева).

Формальная социальная сеть в писательских автобиографиях получилась существенно беднее, нежели в автобиографиях обычных мужчин. Центральная часть социальной сети представлена мужскими фигурами: отец/папа (3,7), дед (2,3), ребенок (2,2) и семья в целом (2). На периферии — мама (1,5), бабушка (1,2), жена (1,2). Как самостоятельная представлена роль «сына» (1,0), а роль «друга» по частотности не достигает единицы.

По деревенскому преданию мой прадед Яков Максимович Астафьев (Мазов) пришел в Сибирь из Каргопольского уезда Архангельской губернии со слепую бабушкой — поводырем. Происходил он из старообрядческой семьи, не пил горькую, не курил, молился наособицу, был от рождения башковит и в преклонном возрасте тучен телом (из автобиографии В.П. Астафьева).

В отличие от обычной «наивной» автобиографии, литературная биография перераспределяет пространство социальной сети, как бы противопоставляя «женское» и «мужское».

Бабка, которая меня очень баловала, была очень набожна, собирала нищих и калек, которые распевали духовные стихи <...> Еще больше значения имел дед, который сам знал множество духовных стихов наизусть и хорошо разбирался в них. Из-за меня у него были постоянные споры с бабкой. Она хотела, чтобы я рос на радость и утешение родителям, а я был озорным мальчишкой. Оба они видели, что я слаб и тщедушен, но бабка меня хотела всячески уберечь, а он, напротив, закалить. Он говорил: плох он будет, если не сумеет давать сдачи. Так его совсем затрут. И то, что я был забиякой, его радовало. Вообще крепкий человек был мой дед. Небесное — небесному, а земное — земному. Недаром он был зажиточным мужиком (из автобиографии С.А. Есенина).

В центре социального притяжения оказываются мужчины (возрастающая значимость роли «ребенок» дополняется и усиливается уточняющей ролью «сын»), все женские роли («мать», «жена» и «бабушка») оказываются на периферии, что в ряде автобиографических текстов объясняется реальными трудностями общения с матерью.

Моя мать — дочь служащего на сахарном заводе — была женщиной властной и неласковой. Всю жизнь она держалась «твердых взглядов», сводившихся преимущественно к задачам воспитания детей. Неласковость ее была напускная. Мать была убеждена, что только при строгом и суровом обращении с детьми можно вырастить из них «что-нибудь путное» (из автобиографии К.Г. Паустовского).

Из центра социальной мужской сети оказываются изъяты ровесники (роли «брат» и «друг»), а как наиболее важная для становления писателя предлагается «кровная» и возрастная «мужская вертикаль»: дед — отец — сын. Подобная конфигурация доминирующей «мужской социальной сети» проблематизирует «культурный капитал» в жизненной истории (только мужчины, которым есть что передать детям, участвуют в воспитании: с большей вероятностью отразятся в автобиографии).

Отец мой, Яков Миронович Маршак, работал мастером на заводах (потому-то мы и жили на фабричных окраинах). Но работа на мелких кустарных заводиках не удовлетворяла одаренного человека, который самоучкой постиг основы химии и непрестанно занимался различными опытами. В поисках лучшего применения своих сил и знаний отец со всей семьей переезжал из города в город, пока наконец не устроился на постоянное жительство в Петербурге (из автобиографии С.Я. Маршака).

Писательский мужской мир индивидуалистичен. Частотность «Я» (37,0) в совокупности с местоимениями «мой» (7,9) и «свое» (3,2) создает великий мир одной личности, где разделенному «мы» (3,9) и «наш» (3,1) отводится третьестепенное место.

Анализ частотности лексем в автобиографии для определения значимых сфер жизни известных писателей дает три определенно очерченных круга проблем:

- рефлексия о судьбе и времени [«год» (16,7), «жизнь» (4,4), «один» (4,4), «начало» (2,7), «человек» (3,4), «время» (3,6), «война» (2,7)];

- работа в смысле — писательство [«книга»/«том» (6,0), «писать» (3,2), «написать» (2,7), «работа» (2,7), «литература» (2,3), «стих» (2,7), «писатель» (2,2), «литературный» (2,2), «работать» (2,2)];
- лидерство [«первый» (4,4), «статья» (2,6), «большой» (2,4), «Москва» (2,2)].

Очевидно, что формальный отказ от жизни в семейных заботах и активности в традиционных социальных институтах, который представлен в автобиографиях «обычных мужчин», компенсируется полным погружением в профессию (это не просто «работа» как занятость — это сложный труд, в котором достигают профессиональных вершин).

В 1907 году мои переводы вышли отдельной книжкой в издательстве «Кружок молодых» при Петербургском университете. Переводы были слабы, но книжка имела огромный успех, так как поэзия Уитмена вполне гармонировала с тогдашними литературными веяниями. В том же году вышла в свет моя новая (тоже незрелая!) книжка — критические очерки «От Чехова до наших дней» (из автобиографии К.И. Чуковского).

Тем не менее следование за частотностью лексем в текстах автобиографий великих писателей для семиотического квадрата А.-Ж. Греймаса, подобно автобиографиям обычных мужчин, парадоксальным образом приводит к описанному выше «мужскому коду»: «жизнь — время — работа — индивидуальное» (см. рис. 2).

S1 Время и жизнь Работа (писательство) Индивидуальное Первый	S2 Безвремяе и смерть Безделье Общее Последний
~S2 Инициатива и активность Востребованность Отдельное Лидерство	~S1 Выжидание и бездействие Безработность Совместное Побежденный

Рис. 2. Семиотический квадрат: автобиографии известных писателей

В данном варианте «работа» теряет неопределенность и описывается конкретно как писательский труд с его продуктами — томами, книгами, стихами. Единственное заметное отличие «семиотического квадрата» автобиографии писателей — присутствие характеристики «первый» в рефлексивном повествовании.

Первые мои литературные шаги после революции были ошибочны. Я начал писать большие рассказы в старой форме и старым, полустертым языком, на котором, правда, и по сей час еще иной раз дописывается большая литература. Только через год, пожалуй, я понял ошибку и стал перестраиваться по всему фронту (из автобиографии М.М. Зощенко).

Быть «первым» — значит быть и первопроходцем, и признанными миром, нуждающимся в литературном таланте писателя.

Произведения мои вызывали интерес за границей. Очень многие переведены на большинство европейских языков и на некоторые вне-европейские. В отдельных изданиях мои сочинения имеются, сколько я знаю, на языках немецком (много), французском, английском, итальянском, латышском, армянском, польском и др.; в журналах — на языках шведском, голландском, ряде славянских, новогреческом, японском и др. Оба мои романа, два сборника рассказов и одна драма имеются по-немецки как отдельные издания (из автобиографии В.Я. Брюсова).

Следовательно, в случае писательской автобиографии более вероятна версия воспроизводства социально одобряемой «гегемонной мужественности», по крайней мере в авторской интерпретации собственной мужественности мужчины-повествователя.

Итак, согласно «семиотическому квадрату» А.-Ж. Греймаса, в автобиографиях известных писателей (см. отношения комплементарности в квадрате S1 / ~S2 на рис. 2) отчетливо считаются характеристики «мужской культуры». Индивидуализированные по замыслу литературные тексты оказываются типичными носителями известных «культурных кодов», предлагая матрицы, конституирующие весьма традиционное представление о «правильной» мужской жизни.

Анализ автобиографий мужчин, воспитанных вне семьи

Автобиографические тексты выпускников детских домов и сиротских интернатов были собраны в результате использования метода биографического интервью [13]. Это полнотекстовые автобиографии, созданные во многом благодаря мягкой и заинтересованной поддержке интервьюера. Поэтому по объему каждое интервью детальнее, чем проанализированные выше «наивные» интервью «обычных мужчин».

Гендерная социализация в закрытых социальных пространствах, которыми являются сиротские учреждения в России, отличается от типичной гендерной социализации.

Во-первых, изменяется содержание мужской и женской культуры в закрытых группах — граница между ними, создающая бинарные оппозиции (эмоциональное — инструментальное, приватное — публичное, безусловно принимающее — иерархическое и т. д.) стирается, как правило, по инициативе женской группы (девочки подражают «мальчишескому поведению», которое позволяет завоевать более высокий статус в закрытой группе). Содержание мужской социализации включает как приоритетные нормы физической твердости (физической силы и сексуальной активности), нормы статуса и нормы антиженственности. При этом «властная вертикаль», доминирование и подчинение, оказываются ведущими характеристиками мужской социализации.

Во-вторых, и в русле женской, и в русле мужской культуры в активную социальную практику входит насилие и девиации как стратегии выживания.

В-третьих, и мужская, и женская социализации проходят в условиях депривации — эмоциональной, социальной, сенсорной, культурной. Взрослеющие в сиротских учреждениях имеют крайне ограниченный доступ к ресурсам культуры в ее многообразии, кроме того, нарушается важнейшее требование — активное участие взрослого-посредника, способного ввести ребенка или подростка в мир культуры.

Если предположить, что автобиография, как проективный автопортрет в психоаналитических исследованиях, будет нести на себе отпечаток депривационного развития, то, используя анализ частотности лексем, можно обнаружить этот депривационный фон. Анализ 11 автобиографий взрослых выпускников детских домов подтверждает высказанное предположение: в автобиографических текстах наблюдаются следы деформации социальной сети мужчин — бывших воспитанников сиротских учреждений:

- доминирует лексема «ребенок» (9,8 у бывших социальных сирот; в то время как у мужчин, воспитывавшихся в семье, «ребенок» находится на периферии социальной сети);
- лексема «мать» сохранила свою частотность (3,0 у мужчин, воспитывавшихся в семье и 3,6 у бывших воспитанников детских домов),
- значимость лексемы «друг» увеличилась (2,5 у воспитывавшихся в семье и 4,5 у выпускников детских домов),
- лексема «отец» в среднем встречалась 2,3 раза (2,0 — у воспитывавшихся в семье).

Я тогда, когда она меня бросила, а я же знал: она жила на частной квартире — я пытался найти ее. Убежал из интерната. Побежал на ту квартиру, где она проживала, где должна была быть, но там никого не было. Квартира была съемная, хозяйка объявила, что она съехала. Ну, она просто уехала, скажем так, оставила меня на плечи государства. Вот. А потом там какой-то период... оформление меня шло. В интернате тоже надеялись, что мать, может, объявится. Там ни отказа не было, ничего. Тут одно слово — бросила. Отказываются, это когда есть бумага — «я отказываюсь». Лишение, это когда есть судебное решение. А здесь другое — факт того, что мать бросила ребенка. Она просто бросила, уехала... может с какими-то своими планами устроиться, получить более повышенную зарплату, а потом, вроде бы как, забрать (К.И., выпускник детского дома, 43 года).

Кроме того, «родители» у воспитывавшихся в семье были на периферии социальной сети, а в автобиографиях воспитанников детских домов они перемещаются в центр социальной сети (1,6 у мужчин, воспитывавшихся в семье и 2,4 у бывших воспитанников детских домов). Периферия социальной сети практически идентична текстам ровесников, воспитывавшихся в семье, за исключением лексемы «сын», которая появляется с частотностью 1,4.

Семейная линия вообще и мужская линия в частности в автобиографиях выпускников детских домов весьма драматична.

Хорошего мало в принципе. Ярких событий хороших не отложилось, отложилось больше отрицательных эмоций, скажем так (усмехается), потому что у меня отец — старший сын в семье, он очень не ладил — почему я в принципе и попал в детский дом — со своим отцом. Они дрались вплоть до топора (смеется). Младшим тоже доставалось, но мой-то вообще не ладил. Почему так и получилось, что когда отец умирает, мачеха меня сдает — меня никто не взял. У меня тетки, дядьки, но они, в принципе, все были молодые еще. Они не ладили. Отложилось в памяти, как они ругались там, дрались (Б.Н., выпускник детского дома, 51 год).

Отличительной чертой социальной сети автобиографий мужчин-выпускников сиротских учреждений становятся новые социальные агенты, оказавшиеся в ядре социальной сети, а именно «воспитатели» (2,5) и «коллектив» (2,4). Социальные агенты «укрупняются», это уже не индивиды, а группы, они преследуют не индивидуальные цели, а групповые или общественные (как, например, воспитатель).

Эти люди, некоторые уже покойные, которые оказали влияние, они, конечно, дали очень многое. Единственное про кого хочу сказать — это воспитатели, которые в свое время дали воспитание, не образование, а именно воспитание. Те, кто дали в свое время воспитание, им бы я поставил большой памятник на Советской площади (смеется). Причем не только мне они дали, но и всем остальным. Иногда, когда со мной начинают некоторые разговаривать просто по-хамски, я им объясняю — высшее образование не означает высшее воспитание. Мне дали высшее воспитание в свое время (А.Н., выпускник детского дома, 40 лет).

Глаголы, описывающие активность у мужчин, воспитанных в детском доме — «знать» (10,5), «сказать» (10), «жить» (8,2). Далее активность представлена относительно сложно, а именно посредством: коммуникативного блока [«говорить» (4,6)]; блока социальной активности [«стать» (3,6), «работать» (4,7), «учиться» (3,5)]; мотивационно-когнитивного блока [«хотеть» (3,4), «помнить» (3), «понимать» (2,5), «видеть» (2,4)]; блока контроля за движением [«уйти» (2,2), «ездить» (2,2), «приезжать» (2,5), «идти» (2,4)]; блока внешнего контроля [«попасть» (4), «давать» (3,6), «дать» (2,0)].

Из школы меня выгнали за поджог — учителю волосы подожгли. Устраивали на завод, там я не продержался долго. Лицей не закончил. Попал в тюрьму за разбой. Освободился. Сейчас одновременно работаю и учусь. Работаю с небольшой строительной организации — по сути, мы ее только сейчас создаем (я и еще несколько человек). К семейным отношениям еще не готов — рано, да и боюсь ответственности (И.Н., выпускник детского дома, 26 лет).

Подкорпус мужских автобиографий выпускников сиротских учреждений позволяет следующим образом описать значимые сферы реализации мужской жизни:

- детство («детский дом» — 8,9 у бывших воспитанников детских домов);

- рефлексия о судьбе и времени [«год» (8,2 у мужчин, воспитывавшихся в семьях, и 16 у бывших социальных сирот), «жизнь» (3,3 и 8,3), «хороший/хорошо» (3,5 и 9,5), «один» (2,6 и 7,1), «человек» (2,1 и 8,7), «время» (2,4 и 4,9), а также «просто» (6,7 — у бывших социальных сирот), «период» (2,5 — у бывших социальных сирот), «план» (2,0 — у бывших социальных сирот) и «общий» (2,0 — у бывших социальных сирот)];
- образование и социальные институты [«школа» (3,4 и 3,5), «учиться» (2,3 и 3,5), «кармия» (2 и 3,8), «кучилище» (2,5 — у бывших социальных сирот)];
- работа [«работа» (2,6 и 3,1); «работать» (2,2 и 4,7)];
- обустройство квартиры, дома [«квартира» (1,3 и 2,9)];
- рефлексия ограничений [«много» (5,2 — у бывших социальных сирот), «мало» (2,1 — у бывших социальных сирот), «жесткий» (3,4 — у бывших социальных сирот), «нормальный» (2,0 — у бывших социальных сирот)].

На первый взгляд, ключевые темы в автобиографиях мужчин, воспитывавшихся в семьях и в сиротских учреждениях, повторяются, однако изменение акцентов, которые определяются при помощи частотности, дает принципиально иную структуру в системе ключевых слов и семиотического квадрата А.-Ж. Греймаса (рис. 3).

Мы заканчивали шараги. У меня специальность была такая блатная — крановщик плавучего крана. Но из меня крановщик... (улыбается). Хотя я в Астрахани работал, хорошо зарабатывал. Ну, очень неплохо зарабатывал по тем временам, 600 рублей. Я не скажу, что деньги у меня сдувало. Конечно, сидел в кафе — такой хозяин жизни. Родителям, папашке, помогал. У меня отец известным фотографом был. Я как-то немножко особняком стоял. У него бабушка — туда-сюда. А я не люблю, когда меня попрекают. Я то у друзей жил, то там, то сям, то по командировкам каким-то, то на ба-рахолку гоняли — спекуляцией занимался. Ну, в хорошем смысле (Д.К., выпускник детского дома, 43 года).

ным, «сломанным», в чем-то совпадая с традиционными «мужскими нормами», но также их нарушая. При этом «мужской» «культурный код» бывших социальных сирот не приближается к «женскому», скорее его можно считать вариантом «мужского кода», измененного в депривационных условиях.

Интерпретации и выводы

Сопоставление «наивных» и литературных автобиографий рассказчиков-мужчин подтверждает: в данном случае умение сочинять тексты не столь важно, важнее интериоризированный культурный опыт. Хайдеггеровская идея о том, что в познании мира существенную роль играют культурно детерминированные предструктуры сознания, отраженные в языке, объясняет «объединяющее» автобиографии известных писателей и обычных, не всегда хорошо образованных провинциальных мужчин [14].

На первый взгляд, посредством автобиографии говорит субъектность и талант рассказчика, однако частотный анализ уточняет: матрицу рассказа о себе автору-мужчине задает именно «мужская культура». В то же время депривационная среда развития личности в детстве (как «культурная недостаточность») изменяет социализированность выпускников сиротских учреждений, и это отражается на их — отличных от других мужских — автобиографиях. Мужчины — бывшие социальные сироты, адаптированные в открытом социуме (работающие, семейные), — на этапе выхода из сиротского учреждения демонстрируют ранимость и ориентацию на отношения, обостренное чувство одиночества и одновременно зависимости, что не вписывается в классические «мужские нормы». При этом они определенно «заточены» на соблюдение иерархических отношений и имеют опыт успешного функционирования в «мужских институтах» (например, армия), что является одной из ключевых особенностей мужской культуры.

S1 Время Работа Жизнь Индивидуальное	S2 Безвременье Безделье Смерть Общее
~S2 Инициатива Востребованность Активность Отдельное	~S1 Выжидание Безработность Апатия Совместное

S1 Жизнь Человек Ребенок Трудности	S2 Смерть Животное Взрослый Везение
~S2 Активность Гуманность Незрелость Испытания	~S1 Апатия Инстинктивное Зрелость Безмятежность

Рис. 3. Семиотический квадрат:
автобиографии мужчин, воспитывавшихся в семье (слева) и в сиротском учреждении (справа)

Отношения комплементарности в квадрате S1 / ~S2 описывают авторов автобиографий как активных, открытых и наивных людей, готовых к испытаниям. Тем не менее «код» «мужской культуры» оказывается искажен-

Следовательно, «мужская история» не является простой производной от «биологического мужского». Она во многом создается культурой, а именно — «мужской культурой», начиная с особенностей ее наполнения (нормы,

ценности и т. д.), заканчивая участием взрослых — культурных посредников, агентов гендерной социализации.

Список литературы

1. Елизаветина Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. — М.: Наука, 1982.
2. Эйдельман Т. Автобиография [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/6032bbff-78f6-c764-3048-81e3fb637f9b/1002876A.htm>
3. Астафьева Е.Н. и др. Биографическое интервью. — М.: УРАО, 2001.
4. Пушкарева Н.Л. Устная история и гендерная история: история сближения и перспективы развития // Общественные науки и современность. — 2012. — № 1.
5. Берн Ш. Гендерная психология. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.
6. Levant R., Richmond K. A review of research on masculinity ideologies using the Male Role Norms Inventory // Journal of Men's Studies. — 2007. — Vol. 15. — № 2.
7. Кон И.С. История и теория мужских исследований // Гендерный калейдоскоп / под ред. М.М. Малышевой. — М.: Academia, 2002.
8. Сидоренко Е.В. Терапия и тренинг в концепции Альфреда Адлера. — СПб.: Речь, 2002.
9. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Создание гендерной идентичности: методика анализа интервью // Гендерные исследования. — 2000. — № 5.
10. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода / пер. с фр. Л. Зиминной. — М.: Академический Проект, 2004.
11. Радина Н.К., Павлычева Т.Н. «Значимые» в историях жизни выпускников интернатных сиротских учреждений // Социальная психология и общество. — 2010. — № 1.
12. Радина Н.К., Никитина А.А. Социальная психология мужественности. Социально-конструктивистский подход. — М.: БОРГЕС, 2011.
13. Радина Н.К., Павлычева Т.Н. Рассказы о жизни как отражение психологических проблем выпускников сиротских учреждений // Вопросы психологии. — 2010. — № 5.
14. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. — Харьков: Фолио, 2003.

УДК 316.75
ББК 60.56

**И.В. ТРОЦУК,
А.В. МОРОЗОВА**

ДАРЕНИЕ ЦВЕТОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РИТУАЛИЗИРОВАННОЙ ПРАКТИКИ

Дарение цветов рассматривается авторами статьи как особый социокультурный ритуал. С помощью модели, предложенной Г. Зиммелем, исследуется «истинное» содержание различных видов данной ритуализированной практики в формате как новосозданных ритуалов современности, так и самых традиционных и даже древних. Дарение цветов, будучи ритуалом, осуществляет ряд социальных функций, среди которых следует особо выделить консолидирующую, идеологическую, инновационную функцию и функцию социальной памяти.

Ключевые слова: дарение цветов, ритуал, форма и содержание ритуала, история дарения цветов, социальные функции ритуализированной практики дарения цветов.

Цветы прочно вошли в жизнь современных людей, выступая средством украшения (домов, офисов, улиц и т. д.), предметом дарения (на празднике, на свидании и т. п.) и элементом прощания с усопшими. Цветы — предмет ритуала, его свидетель, они дополняют другие ритуалы: так, дарение цветов мужчиной женщине на свидании — это ритуализованная практика, вплетенная в ритуал ухаживания; украшение цветами помещения для свадьбы — широко распространенное явление, цветы вовлечены в церемонию. Несмотря на то, что на многие праздники и в связи с какими-либо событиями принято дарить подарки, в сознании людей обязательными оказываются и цветы: как возможно 8 Марта в России без цве-

тов; как еще можно поблагодарить артиста за прекрасно проведенный вечер в театре? Таких примеров множество, и все они иллюстрируют признание индивидами важной роли цветов в ритуалах.

В обыденном понимании понятие «ритуал» нередко имеет достаточно негативный характер — ритуал выступает как формальная процедура, где ценности и смыслы ритуального действия не являются поистине таковыми для индивида, его осуществляющего [1, с. 96]. Такой подход свойственен Г. Зиммелю: для него светское общение имеет чисто игровую форму. Однако в жизни человека сложно найти абсолютно неритуализованные и, наоборот, исключительно ритуализованные формы: реальные